

2007112080

Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка.

Монографія П. В. Голубовскаго. Кіевъ. 1895 г.

Рецензія К. Вестужева-Рюмина.

Кіевскіе ученые, ученики пр. Антоновича, задались важною задачею изучить судьбы разныхъ земель Южной Руси въ такъ называемый кіевскій періодъ. Не говорю, что изъ ихъ среды не выходило никакихъ другихъ изслѣдованій; но этотъ кругъ ихъ изученій выдается особенно ярко и ведется полно. Конечно, не всѣ труды эти отличаются одинаковымъ достоинствомъ, но всѣ вносятъ значительный свѣтъ въ эту область русской исторіи, все еще недостаточно обработанную, хотя именно на нее устремлены были значительныя успія тружениковъ, и такимъ образомъ главные контуры періода уже опредѣлились, но подробное изученіе только теперь начинается, а потребность въ немъ давно уже чувствовалась. Въ рядахъ дѣятелей этого мѣстнаго, такъ сказать, направленія П. В. Голубовскій занимаетъ видное мѣсто: постоянная серьезность и осторожность его изслѣдованій давно уже обратили на себя вниманіе специалистовъ. Его кандидатскимъ сочиненіемъ явилась «Исторія Сѣверской земли», магистерскою диссертациею — «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ»; нынѣ издаетъ онъ свою докторскую диссертацию. Каждый трудъ пр. Голубовскаго является серьезнымъ вкладомъ въ науку. Такой же характеръ носитъ и новое его сочиненіе. Въ этой книгѣ мы встрѣчаемъ серьезное изученіе источниковъ и пособій и критическое отношеніе къ нимъ. Къ сожалѣнію, онъ не предположилъ своему изложенію очерка литературы предмета и тѣмъ возбудилъ противъ себя укоръ критики. Если бы онъ это сдѣлалъ, то указалъ бы, въ какой степени не самостоятельна книга Никитина (Исторія Смоленска. М. 1847) въ тѣхъ главахъ, которыхъ

касаются изслѣдованія пр. Голубовскаго. Можно ли говорить, какъ о серьезномъ сочиненіи, — о книгѣ, которая ссылается не на лѣтописи, а на «Исторію Государства Россійскаго», «Исторію Русскаго народа» и даже «Русскую Исторію» С. Н. Глинки; даже «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи», неупоминаніе о которомъ пр. Корсаковъ считаетъ пропускомъ въ «Исторіи Смоленской земли», не могло бы удовлетворить историка; въ немъ слишкомъ мало критики относительно періода до-Литовскаго. Съ большимъ правомъ можно было бы упомянуть о книгѣ Е. П. Писарева: «Смоленскъ и его исторія». См. 1893, представляющей любопытныя данныя для топографіи Смоленска. Отсутствие изслѣдованія о лѣтописяхъ, касающихся смоленскихъ событій, составляетъ, по нашему мнѣнію, значительный пробѣлъ въ «Исторіи Смоленской земли». Казалось бы необходимымъ отмѣтить участіе смоленскихъ лѣтописей въ компиляціи, называемой Кіевскою лѣтописью («Ипатскій списокъ»), въ литовскихъ лѣтописяхъ (о чемъ уже было указано въ польской литературѣ), а можетъ быть въ такъ называемомъ сборникѣ Абрамки, въ которомъ, очевидно, Абрамка мало виноватъ, ибо имя его встрѣчается въ припискѣ къ статьѣ о смерти епископа Арсенія и притомъ въ самой этой статьѣ два почерка, Абрамка же встрѣчается во второмъ. Словомъ, это копія съ какой-то компиляціи изъ Супрасльскаго лѣтописи, неизвѣстной Новгородской, Юридическаго сборника, Сказанія о смерти Арсенія и Литовскаго лѣтописи (списка той, которая была уже издана Даниловичемъ и Поповымъ). Нельзя не пожалѣть, что пр. Голубовскій не сдѣлалъ подобнаго введенія при началѣ своего изслѣдованія. Не сомнѣваемся, что онъ сдѣлалъ бы его вполне компетентно, а теперь еще могутъ возникать вопросы, которые онъ разрѣшилъ бы окончательно. Указаніе сборниковъ актовъ, которыми онъ пользовался, было бы также въ высшей степени полезно.

Трудъ свой авторъ начинаетъ съ изученія географіи и этнографіи Смоленской земли. Здѣсь онъ выказываетъ большую начитанность какъ въ географической, такъ и въ археологической литературѣ. Мы встрѣтили замѣчаніе, что онъ, можетъ быть, слишкомъ далеко распространяетъ на западъ финское племя въ древнѣйшую пору; но это — вопросъ спорный, хотя и нельзя не сознаться въ томъ, что разница въ типѣ погребенія невольно наводитъ на мысль о разности народовъ. Замѣчаніе, что типъ погребенія можетъ быть одинаковъ у разныхъ народовъ, живущихъ другъ отъ друга въ большемъ отдаленіи, въ настоящемъ случаѣ не можетъ считаться рѣшительнымъ; берется народъ, который живетъ ближе и стало быть могъ быть въ сношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ гр. Уваровъ указалъ правильную точку воззрѣнія на этнографическое значеніе типа погребенія, когда онъ рекомендовалъ, начиная съ центрального пункта племени, идти къ его окра-

инамъ — типъ погребенія сталъ вѣрнымъ мѣриломъ народности. Труды преимущественно кievскихъ ученыхъ много способствовали опредѣленію границъ между племенами. Предпославъ своему этнографическому введенію географическій обзоръ территоріи, авторъ завершаетъ главу обширнымъ топографическимъ обзорѣмъ Смоленской земли. Здѣсь онъ пользуется какъ новыми трудами («Городскія поселенія», «Списки населенныхъ мѣстностей», «Описание Смоленской губерніи»), такъ и актами и лѣтописями. Этотъ обзоръ приводитъ автора къ тому выводу, что Смоленская область была гораздо обширнѣе, чѣмъ она представлялась его предшественникамъ. Такой выводъ былъ результатомъ внимательнаго приурочиванія данныхъ актовъ (напримѣръ, грамотъ Ростислава объ учрежденіи епископіи) къ наличнымъ даннымъ топографическимъ. Этотъ выводъ весьма важенъ и съ той точки, что выясняетъ политическое положеніе Смоленской земли въ кievскій періодъ. Подробную повѣрку указаній автора надо предоставить специалистамъ; но сличая его показанія съ его же картою, можно считать ихъ основательными. Чрезвычайно любопытно указаніе автора на двосаданность нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстъ. Это было извѣстно и прежде, но не было такъ поставлено на видъ. Перечитывая эту главу, можно замѣтить, что авторъ умѣетъ воздавать должное старымъ заслуженнымъ изслѣдователямъ. Такъ онъ высоко ставитъ Надеждина, котораго теперь начинаютъ опять признавать (напримѣръ, пр. Филевичъ). Въ одномъ случаѣ только напрасно авторъ слѣдовалъ Надеждину, признавая Авретинскую возвышенность отраслю Карпатовъ (стр. 7); въ настоящее время принято то мнѣніе, что Карпаты не входятъ въ Россію (Д. Н. Анучинъ: «Рельефъ поверхности Европейской Россіи», стр. 76). Въ этнографической части главы авторъ въ особенности останавливается на взаимныхъ отношеніяхъ Кривичей и литовскаго племени, что связано съ вопросомъ объ образованіи бѣлорусскаго нарѣчія, начавшагося, по вѣроятному замѣчанію автора, еще задолго до образованія Литовскаго государства. Взаимныя отношенія этихъ племенъ не разъ уже обращали на себя вниманіе изслѣдователей; особенно много занимался ими Бѣляевъ въ своихъ «Разсказахъ», т. IV, но конечно, еще много нужно изслѣдованій, преимущественно филологическихъ, для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Такое же вниманіе нужно и для вопроса объ отношеніяхъ къ Финнамъ, котораго, какъ мы видимъ, авторъ касается въ этой же главѣ, признавая возможность древнѣйшаго финскаго населенія на смоленской территоріи. Разграниченію славянскихъ племенъ, сходящихся въ Смоленской землѣ или сосѣдившихъ съ нею: Кривичей, Радимичей, Сѣверянъ, Славянъ, Дреговичей, авторъ посвящаетъ много труда. Думаю, что и съ этой стороны трудъ его не останется безплоднымъ — нельзя не замѣтить, что болѣе и болѣе усиливается вниманіе къ топографіи, этногра-

фіи и археологіи составляетъ важное явленіе въ развитіи исторической науки; вмѣстѣ со вниманіемъ къ экономическимъ и юридическимъ вопросамъ оно даетъ основу, но разумѣется далеко не все содержаніе; все это знакомить съ обстановкой, но душа жива не въ этомъ.

Во второй главѣ авторъ переходитъ къ промышленности и торговли Смоленской земли. Порядокъ очень естественный въ виду того, что главное значеніе эта земля приобрѣла своимъ положеніемъ, способствовавшимъ развитію торговли. Служа своими путями сообщенія торговлѣ съ Востокомъ и Западомъ, въ особенности — съ Западомъ, Смоленская земля сама доставляла предметы для вывоза: лѣсъ, разные роды хлѣбныхъ растений, шкуры пушныхъ звѣрей (тогда еще бобръ водился въ этой мѣстности), металлическія издѣлія и т. д. Начало торговли съ Востокомъ относится къ очень раннему времени: восточныя монеты, находимыя въ мѣстностяхъ на торговомъ пути, относятся къ VIII—X в.; между прочимъ, въ Москвѣ найдены монеты IX в. глубоко въ землѣ. Не только монеты, но и вещи восточнаго происхожденія находятся въ могилахъ Кривичей и Радимичей. Торговля съ Востокомъ шла черезъ землю Суздальскую и доходила, вѣроятно, до Булгарь Камскихъ. Товары восточныя шли изъ Смоленска на западъ черезъ Ригу. Оживленныя сношенія велъ Смоленскъ съ Византією. Товары греческіе шли изъ Смоленска на сѣверъ и западъ. Литература, посвященная этимъ сношеніямъ Смоленска полно исчерпана нашимъ авторомъ, что придаетъ особую цѣну его сочиненію, но онъ не просто повторяетъ чужія мнѣнія, а сводитъ ихъ и взаимно повѣряетъ. Такъ называемая «Смоленская торговая правда», то-есть, договоръ Смоленска съ Нѣмцами, не разъ подтверждавшійся и сохранившійся въ осьми спискахъ, составилъ предметъ особенно тщательнаго изслѣдованія П. В. Голубовскаго; такому изслѣдованію этотъ памятникъ до сихъ поръ еще подвергнутъ не былъ. Это изслѣдованіе принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ книги. Разсматривая списки договоровъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что они въ сущности представляютъ два типа: одинъ писанъ въ Смоленскѣ, другой въ Ригѣ; подлинникъ же былъ по-латынѣ; многократныя подтвержденія не измѣнили почти нисколько первоначальнаго содержанія. Авторъ употребилъ очень остроумный способъ опредѣленія двухъ первоначальныхъ типовъ договора посредствомъ датировокъ: въ одномъ экземплярѣ датировка латинская: было А' лѣто и С лѣто и Л лѣто безъ лѣто (*undetriginta*); въ другомъ: И лѣто и Къ, то-есть, *acht und zwanzig*. Этотъ экземпляръ съ печатью князя и назначался для Нѣмцевъ; тамъ же выраженіе «фоготь» (то-есть, *Voght*). Сдѣлавъ такой тонкій анализъ взаимнаго отношенія разныхъ списковъ Смоленской правды (генеалогическую таблицу которыхъ онъ приводитъ дальше), авторъ изслѣдуетъ внутреннее содержаніе документовъ, остава-

влывается прежде всего на томъ, что этотъ памятникъ помѣщенъ въ Юридическомъ сборникѣ конца XIV в. рядомъ съ разными юридическими памятниками (Сборникъ этотъ изданъ Московскимъ обществомъ исторіи и древностей въ 1843 г.). Списокъ этотъ отличается одною припискою, не встречающеюся въ другихъ спискахъ: «Тако же и по бесъсудной грѣ точнокъ серебро безъ Г золотникъ а взяти с вѣса; а грѣа судная и бесудная по томо же серебру по точному безъ Г золотникъ». Эта приписка сдѣлана, вѣроятно, для чиновника, взвѣшивавшаго серебро, но такъ какъ она находится въ испорченномъ экземплярѣ, то попала сюда изъ другого списка. Уже съ XIII вѣка Нѣмцы живутъ въ Смоленскѣ, какъ и въ Новгородѣ; въ концѣ вѣка уже у нихъ была своя слобода. Приѣхавъ на Волокъ, гости давали тѣну перчатки, а въ Смоленскѣ княгинѣ штуку частины (полотна). Товары, которые привозили иноземцы, были сукна и разныя лакомства: инбирь, миндаль, сладкія вина. При Мстиславѣ Романовичѣ торговали на ладьяхъ; по договорамъ съ Мстиславомъ Давыдовичемъ это стѣсненіе отмѣнено (1228); договоръ этотъ былъ утвержденъ въ 1229 г. Въ Торговой правдѣ предвидятся и по возможности предотвращаются разныя могущія быть затрудненія. Такъ, устанавливается неприкосновенность груза; предвидѣлось столкновение съ туземцами при выгрузкѣ товара; устанавливался порядокъ перевоза товаровъ, опредѣляются условія кредита; опредѣляются случаи уголовныхъ процессовъ и система наказаній. Дополненія въ послѣдующихъ спискахъ договора встрѣчаются въ статьяхъ уголовныхъ и въ условіяхъ взвѣшивания товаровъ. Глава оканчивается своднымъ текстомъ всѣхъ списковъ договора. Вообще это изслѣдованіе и изданіе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ автора. Можемъ только пожалѣть, что подлинники договоровъ почти не существуютъ для русской науки, и что до сихъ поръ нѣтъ ихъ фотолитографическаго изданія, что значительно облегчило бы ихъ изученіе съ лингвистической точки зрѣнія, хотя, какъ многіе опыты показываютъ, и такія изданія не охраняютъ отъ ошибокъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ представляетъ словарь Смоленскихъ князей. Противъ этого словаря было сдѣлано возраженіе, что списокъ изложенъ ни генеалогически, ни хронологически; на это можно отвѣтить, что въ книгѣ есть хронологическій списокъ великихъ князей и генеалогическая таблица всего рода князей Смоленскихъ. Словарь пр. Голубовскаго имѣетъ большее значеніе: онъ дѣлаетъ изслѣдованіе о каждомъ князѣ, а о нѣкоторыхъ даже и обширныя, и такимъ образомъ выясняется не одинъ темный вопросъ въ исторіи древней Руси. Такъ, устраняется смѣшеніе Мстислава Давыдовича съ Мстиславомъ - Феодоромъ Давыдовичемъ, изъ которыхъ первый умеръ въ 1187 г., а второй родился въ 1193 г.; восстанавливается правильная дата смерти Мстислава Ростиславича (1180); опредѣляются

отношенія двухъ Ростиславовъ Мстиславичей (XIII в.); указываются смоленско-полоцкія отношенія (конца XII в.); возстановляется происхожденіе князей Ѡминскихъ.

Глава IV занимается общественнымъ и политическимъ бытомъ Смоленской земли. Авторъ начинаетъ со сближенія статей Русской правды съ Смоленской торговой правдой, имѣя въ виду доказать общность юридическихъ понятій въ Кіевской Руси. Въ учрежденіяхъ Смоленской земли авторъ видитъ слѣды древнихъ общеславянскихъ воззрѣній. Не знаемъ только, правильно ли толковать послуховъ свѣдущими людьми. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. читаемъ: «Частократъ пригожается, ижъ нѣкоторые за своимъ племенемъ, а любо за слугами приходятъ мощью на судъ и силою права отводятъ» («Акты Зап. Росс.», I, № 2, § 19). Вотъ послухи, на которыхъ ссылались тяжущіеся. Первоначальнымъ устройствомъ Смоленской земли пр. Голубовскій признаетъ задружно-общинное. За отношеніями Смоленскихъ князей къ вѣчу авторъ слѣдитъ особенно тщательно и указываетъ на то, что вѣче считало себя въ правѣ выбирать князей. Мнѣ кажется, что Д. А. Корсаковъ основательно замѣчаетъ, что въ смоленскихъ смутахъ бояре должны были имѣть такую же рѣшительную роль, какъ въ Новгородѣ. Трудно допустить, чтобы при образованіи партіи оставались безъ вождей, а оттого и слѣдуетъ полагать, что такими вождями и были бояре, и что однородность Смоленскаго вѣча далеко не простирается на всю исторію Смоленскаго княжества. Примѣръ князя Святослава Мстиславича, легко захватившаго Смоленскъ съ помощью Полочанъ, у которыхъ онъ княжилъ, указываетъ на участіе въ этой сдачѣ города партіи Смольнянъ (1222 г.). Изложивъ основы княжескаго суда и указавъ на то, что отдѣльныя общины брали судъ у себя на откупы, авторъ переходитъ къ перечню чиновниковъ: *тиуны* (частью съ судебными, частью съ полицейскими обязанностями); *дѣтскіе* (исполнители судебныхъ приказаній), *куномцы* (въ которыхъ авторъ предполагаетъ или таможенныхъ, или ихъ помощниковъ (что едва ли справедливо), *ветхіе* тамошники были совѣтниками князя въ дѣлахъ торговыхъ. Переходя къ боярству, авторъ видитъ въ немъ главнымъ образомъ дружину; но указываетъ, что тысяцкій выбирался изъ земскаго боярства (что же такое земское боярство?), указываетъ также на то, что бояре были землевладѣльцы. Бояре засѣдали въ княжецкой думѣ и судѣ. Важную роль въ средѣ боярства играютъ дядьки князей и ихъ дѣти. Встрѣчаются и званія *околничаго*, *покладника* (постельничаго). Доходы княжескіе исчислены въ грамотѣ Ростислава и простираются до 600.000 р. У княгини и другихъ членовъ княжеской семьи были свои владѣнія. Хотя христіанство началось давно въ Смоленской землѣ, но іерархія создавалась уставною грамотою Ростислава Мстиславича, которую авторъ прилагаетъ къ этой главѣ своего

сочиненія. Строеіе церквей и монастырей однако не дождалось основанія епископін, хотя съ того времени оно пошло живѣе. Изъ духовныхъ лицъ смоленскихъ въ особенности выдѣляется св. Авраамій Смоленскій — проповѣдникъ и народный учитель. Въ XVI в. встрѣчаются указанія на письменные памятники въ Смоленскѣ; въ то же время развилось и иконописаніе, въ чемъ не сомнѣвается пр. Голубовскій. Любопытны указанія нашего автора на смоленскіе источники «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ». Послѣдними литературными памятниками, которыми занимается пр. Голубовскій, являются «житіе Меркурія» и «Хожденіе и житіе Игнатія Смолянина».

Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ излагаетъ политическую исторію Смоленской земли. Въ древнія времена центромъ Кривской земли былъ, вѣроятно, Полоцкъ, но со времени появленія въ Полоцкѣ своего княжескаго рода и съ усиленіемъ торговаго значенія Смоленска, этотъ послѣдній становится виднымъ центромъ, хотя еще долго не вмѣетъ своихъ особыхъ князей. Князья, бывшіе здѣсь, быстро смѣнялись, а при Мономахѣ Смоленскъ былъ приписанъ къ Переяславлю. Только внукъ Мономаха Ростиславъ Мстиславичъ, утвердись на смоленскомъ столѣ, утвердилъ и свой родъ; хотя и онъ, и потомки его не разъ призывались на югъ и прославились своими воинскими подвигами, все таки родъ ихъ держался на смоленскомъ столѣ. Читатель въ книгѣ пр. Голубовскаго найдетъ подробный, на сколько позволяютъ матеріалы, отчетъ о событіяхъ земли Смоленской и объ ея отношеніяхъ къ ближнимъ и дальнимъ землямъ Русскимъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что трудъ пр. Голубовскаго, по своей документальности и точности, вполне заслуживаетъ премію гр. Уварова, а потому я ходатайствую о наградѣ его второю преміею.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Мартъ 1898 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.